

вать неправильность въ чертахъ лица и непропорціональность его худощавой фигуры. Это два друга, члены одной партіи, судьба ихъ близка другъ другу. Оба были приговорены къ смертной казни въ 1848 году; но Бамбергеръ бѣжалъ во Францію, Каппъ — въ Америку; оба составили себѣ независимое состояніе въ долгіе годы изгнанія, оба возвратились на родину, чтобы занять мѣста въ законодательномъ собраніи. Каппъ — типъ германца, съ своеобразной красотой этого племени. Бамбергеръ — космополитъ, еврейскаго происхожденія, но на лицѣ его не видно отпечатка этой расы. Каппъ — одинъ изъ тѣхъ людей, присутствіе которыхъ оживляетъ залъ. Онъ дѣйствуетъ на слушателей не столько своими словами, какъ всѣмъ своимъ существомъ, тѣмъ, что онъ есть. Я слышалъ, какъ Бамбергеръ чрезвычайно удачно выразился о Каппѣ, что, глядя на него, начинаешь понимать цѣну жизни. Изъ письма Людвигъ Фейербаха (въ біографіи Карла Грюна) видно, что Каппъ еще юношей произвелъ подобное же впечатлѣніе на великаго мыслителя.

Какъ Каппъ, такъ и Бамбергеръ занимаются литературой. Каппъ — авторитетъ въ рейхстагѣ относительно всего, что касается американской жизни и вопросовъ эмиграціи; онъ въ своихъ историческихъ трудахъ разработалъ вопросъ взаимныхъ сношеній Германіи съ Соединенными Штатами. Особенно поучительны его очерки: „Торговля солдатами германскихъ князей съ Америкой“. Они отличаются яснымъ, рѣзкимъ изложеніемъ, смѣлой свободой мыслей и добросовѣстной точностью, но самое лучшее изъ того, что даетъ самому автору такую притягательную силу: всемогущая молодость, свѣтлый ореолъ и безавѣтное юношеское остроуміе, безслѣдно покинули его. Бамбергеру гораздо лучше удастся внести всецѣло свое личное я въ свои литературные труды. Стиль его замѣчательно хорошъ. И вотъ теперь, когда мы сидимъ и ожидаемъ появленія Бисмарка, мнѣ пришло на умъ его отличное, поучительное сочиненіе о Бисмаркѣ, въ которомъ онъ старается выяснить передъ французами, по окончаніи послѣдней войны, характеръ перваго министра Пруссіи. Какъ ни устарѣла теперь эта книга, она тѣмъ не менѣе не можетъ не быть предпочтена противной, раболѣпной біографіи Бисмарка, составленной Гецекилемъ.

Я хорошо помню день, когда я увидѣлъ въ первый разъ Бисмарка. Это было въ одно изъ засѣданій рейхстага 1873 года. Онъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ и подписывалъ бумаги, которыя служитель палаты, глубоко и почтительно согнувшись, принималъ изъ его рукъ, и отправлялъ по назначенію. Видъ его былъ стро-